

обходимо сделать». Кардиналу было отлично известно, с кем он имеет дело. Король опасался бремени ответственности и, кроме того, боялся, как бы Кардинал, занимавший почти все посты, не сыграл с ним сверхную шутку. Словом, Тревица пришлось прогнать.

Его Высокопреосвященство, казалось, оправлялся от своей болезни; подтверждением тому служат все его выпады против герцога Орлеанского. Он ненавидел и презирал его: он хотел, чтобы его объявили неспособным к царствованию, дабы по смерти Короля, которому недолго оставалось жить, Герцог не мог бы принять участие в управлении Государством.

Некоторые полагали, будто Кардинал намеревался управлять Королевою через кардинала Мазарини: ради этого он де и возвел его в кардинальский сан. Правда, г-н де Шавиньи немало постарался, дабы помешать возвести в этот сан г-на де Нуайе. Полагали даже, что Королева и кардинал де Ришелье теперь ладят между собой и что началось это с той поры, как он получил от нее договор с Испанией. Я слышал от Люонна, что когда кардинал де Ришелье впервые представил Мазарини Королеве (это произошло после Казальского договора),⁶⁴ он сказал ей: «Государыня, вы его полюбите: он чем-то похож на Бекингема». Не знаю, помогло ли это, но полагают, что Королева издавна была расположена к Мазарини, а кардинал де Ришелье то ли заметил эту склонность, то ли упомянутое сходство позволяло ему на нее надеяться.

Когда ставили «Европу», Кардинала на спектакле не было; правда, он несколько раз присутствовал на репетиции пьесы в костюмах, кои заказаны были на его счет; из-за своей больной руки он не смог приехать на премьеру. По возвращении из Рюэля он сказал племяннице, указывая ей на кардинала Мазарини: «Племянница, пока вы смотрели комедию, я обучал государственного министра». И говорят, будто он указал на Мазарини покойному Королю, а как-то в другой раз сказал: «Я знаю только одного человека, который может быть моим преемником, даром что он иностранец». Иные считают, что я перемудрил, говоря о намерении Ришелье управлять Королевою через кардинала Мазарини, и полагают, будто у него не было другого намерения, как ввести в Государственные дела человека, который, будучи иностранцем и его, Ришелье, креатурой, из благодарности, а также из нужды в поддержке окажется привержен его наследникам и его близким; но Кардинал ошибся — и не впервые. Он считал г-на де Шавиньи величайшим умом, а Морана, советника по приему прошений, — первым человеком среди судейских. В дальнейшем мы поговорим и о том, и о другом.

Арну, который служил в морском департаменте, говорит, что кардинал де Ришелье намерен был отправить кардинала Мазарини в Рим, дабы тот послужил Королю в Италии, и что он спросил Арну в присутствии Короля: «Господня Арну, через сколько времени вы сможете снарядить корабли, чтобы отвезти кардинала Мазарини в Италию?». — «Мон-